

Владимир Кожевников

**Диагноз:
Человек**

Владимир Кожевников

Диагноз Человек

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Диагноз Человек / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

В мире, где эмоции откалиброваны, а звуки подчинены алгоритмам, главный герой слышит необъяснимый шум и видит призраки прошлого. Работая дегустатором, он осознаёт: его восприятие — не сбой, а дар, позволяющий чувствовать жизнь за пределами стерильности. Погружаясь в запретные «Серые Зоны», он встречает сообщество людей, выбравших хаос вместо безопасной коррекции. Их мир — пыльные лавки, стены, исписанные болью, и танцы без музыки под собственный ритм. Однако тотальный контроль ИИ не прощает отклонений. В момент близости система активирует протокол принудительного «исцеления». Герою предстоит выбор между выверенной ложью и настоящим миром за пределами нормы. Это текст о цене свободы чувствовать, о трещинах, через которые просачивается подлинная жизнь.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот в децибелах	5
Глава 2. Коллекционер трещин	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Кожевников

Диагноз Человек

Глава 1. Шёпот в децибелах

Город Элизиум-7 дышал тишиной. Это была не та мёртвая тишина склепа, что давит на барабанные перепонки, а совершенная, спроектированная лучшими акустическими инженерами звуковая среда, где каждый звук был на своём месте. Шелест листвы генно-модифицированных платанов в Центральном парке — ровно 12 децибел, успокаивающий «зелёный шум». Мелодичный перезвон утренних трамваев на магнитной подушке — 30 децибел, «тёплый сигнал начала дня». Даже шаги редких прохожих были акустически выверены: мягкое цоканье подошв из самовосстанавливающегося полимера по асфальту, поглощающему вибрации — 18 децибел, «ритмичный паттерн социальной вовлечённости». Городской ИИ по имени Гармония-7 дирижировал этой симфонией с точностью квантовых часов. Каждый звук имел частоту, продолжительность, тембр и эмоциональный код, предписанный протоколом общественного благополучия.

Алан Кроув, сидя в кресле из живого, принимающего форму тела биогеля, слышал не это. Он слышал шум. Этот звук не регистрировался ни одним прибором в его идеальной квартире. Он пробивался сквозь идеально модулируемую Гармонией-7 тишину, словно вода, сочащаяся сквозь невидимую трещину в чашке. Шум был похож на далёкий, неразборчивый шёпот миллиона людей, накатывающий волнами и стихающий. Иногда Алану казалось, что в этом шёпоте он различает слова, обрывки забытых мелодий, плач ребёнка, которого он никогда не видел, скрип старого деревянного стула, звук падающих на пол стеклянных бус — вещей, которых в Элизиуме-7 не существовало уже столетие.

Медицинский ИИ, проецирующий свой спокойный, лишённый интонационных пиков голос прямо в слуховую зону коры, назвал бы это «фантомной аудиальной проекцией» и предложил бы немедленную генную коррекцию. Алан знал это наверняка. Он изучил медицинские базы вдоль и поперёк, притворяясь, что изучает органолептические профили. Он знал, что «фантомная аудиальная проекция» классифицируется как предвестник Синдрома Спонтанной Дезадаптации — болезни, которую человечество якобы искоренило ещё до его рождения. Ему было известно, что протокол лечения прост, безболезнен и эффективен: нано-капсула с отредактированным геном, сутки лёгкой сонливости, и мир снова становится стерильным и ясным. Но Алан не спрашивал. Пока.

Он сидел в своём кресле, глядя на стену, которая транслировала сегодня вид на утренний Прованс. Лавандовые поля колыхались под виртуальным бризом, и каждый пиксель был выверен так, чтобы вызывать чувство умиротворения. Но Алан видел лишь строгую геометрию посадок, рассчитанную машиной, и это вызывало в нём не умиротворение, а глухую тоску. Он перевёл взгляд на свои руки. Они были идеальны. Гладкая кожа без единого изъяна, ногти правильной формы, никаких признаков усталости. Ежегодная регенерация теломер делала своё дело. Его биологический возраст, согласно последнему отчёту, был эквивалентен двадцати восьми годам, хотя в личном деле значилось сорок два стандартных года. Но сейчас, в этом утреннем полумраке, ему показалось, что под этой идеальной кожей он видит тени — тени давно стёртых шрамов, которых у него никогда не было. Тени ушибов, порезов, следов от неуклюжих падений. Призраки прошлых травм, которых его генетически очищенное тело не знало. Это видение было сродни шуму: галлюцинация, порождённая каким-то сбоем в нейронных цепях. Но оно не пугало его. Оно казалось ему более настоящим, чем сам Прованс на стене.

Его работа была странным анахронизмом в мире абсолютного здоровья и точности. Инспектор органолептики. Само название звучало почти непристойно, как «алхимик» или «заклинатель дождя». В эпоху, когда пищу синтезировали с точностью до молекулы, а вкус рассчитывался формулой, оставались продукты, которые ИИ не мог оценить. Вернее, мог, но эта оценка была лишь цифрой, спектрограммой, химической формулой. Истинный вкус выдержанного сыра Конте, землистое послевкусие столетнего бургундского, горьковато-ореховая терпкость настоящего кофе с плантациями Свободной Эфиопии — это требовало живого рецептора. Требовало человека, подверженного ошибкам, настроению, воспоминаниям. Человека, чья вкусовая память могла выдать ему ассоциацию, неподвластную алгоритму. Именно поэтому профессия инспектора органолептики сохранилась, хотя на весь многомиллионный Элизиум-7 таких, как Алан, было не больше пятидесяти.

Сегодня на дегустации был кофе. Алан вошёл в стерильно-белую лабораторию, где воздух был очищен от любых посторонних запахов с помощью многоступенчатой системы нано-фильтрации. Перед ним на постаменте из чёрного обсидиана стояла крошечная чашка — реплика древнего японского хейана, сделанная, однако, из материала, не вступающего в химическую реакцию с жидкостью. От напитка поднимался пар, закручиваясь в спирали, которые не могла бы рассчитать ни одна программа моделирования жидкостей. Алан поднёс чашку к лицу. Городской ИИ, следящий за каждым его движением, на мгновение притушил общее освещение, создав интимный полумрак, имитирующий рассвет на плантации.

Вдох. Аромат был сложным. В нём читались ноты жасмина, бергамота, тёмного шоколада и едва уловимая дымная горчинка, как от костра вдаль. Алан замер. Эта дымная нота не была предусмотрена эталонным профилем. Она была слишком хаотичной, слишком «грязной», чтобы быть результатом контролируемой обжарки. Он сделал глоток. Вкус был... несовершенным. Идеально несовершенным. В нём жила жизнь — несовершенная, непредсказуемая, полная ошибок. И этот хаос отозвался в Алане щемящей, беспричинной грустью. Он вдруг ощутил себя не просто дегустатором, а археологом, раскапывающим осколок давно утерянной эпохи, когда люди не знали, что такое «оптимизированное настроение», когда они просыпались с болью в спине и смотрели на настоящие, несовершенные закаты, а не на их климатически оптимизированные симуляции.

Голос ИИ проявился в сознании мягким, не терпящим возражений сигналом: «Инспектор Кроув, подтвердите данные сенсорного анализа». Алан на мгновение задержал дыхание. Микровсплеск кортизола, который он почувствовал, был расценён системой как часть профессионального волнения. Он знал, что мед-ИИ считывает его базовые показатели, но не мысли. Пока не мысли. «Номер партии: 734-B, — отчеканил он, и его голос был безупречно спокоен. — Происхождение: Эфиопия, регион Йиргачеффе. Подлинность 99,8%. Вкусовые характеристики соответствуют эталонному профилю. Рекомендация: допустить к распределению в жилые кластеры уровня "Люкс"».

Он лгал. Лгал впервые в жизни. Он умолчал о той дымной ноте, которая и была душой этого кофе. Он не указал того отклика, который родился в нём самом, — странной радости, смешанной с печалью. Потому что этот отклик система бы не сертифицировала. Более того, его сочли бы симптомом. Алан ещё не до конца понимал, почему он это сделал. Может быть, потому что этот кофе, этот его маленький бунт, был первым, что он почувствовал по-настоящему за многие годы. И он не хотел отдавать это чувство на коррекцию. Даже если за это придётся заплатить.

Алан отставил чашку. Он посмотрел на свою руку. Тени шрамов снова проступили, теперь яснее. Ему показалось, что он видит тонкую белую линию на костяшке указательного пальца — след от случайного пореза бумагой, которого никогда не было. Шум в голове стал громче, на мгновение почти превратившись в слово. Слово, которое он пока не мог разобрать. Почти.

Глава 2. Коллекционер трещин

После дегустации Алан не пошёл домой. Его квартира, с её адаптивным освещением и стенами, проецирующими умиротворяющие пейзажи Альп, казалась ему сегодня не убежищем, а декорацией. Ему хотелось чего-то настоящего, и этот импульс был настолько силён, что заглушал привычный голос благоразумия. Он поймал себя на том, что шагает не к жилому кластеру «Люкс», а вниз, к историческим уровням. Город, как слоёный пирог, наращивал этажи веками. Верхние сияли стерильностью и порядком, но в самом низу, у фундамента, ещё сохранились руины Прежнего Мира. Заповедник хаоса, куда обычные граждане не спускались — это было неоптимально, небезопасно и, главное, негигиенично с точки зрения психического здоровья. Гармония-7 настоятельно рекомендовала избегать этих мест, помечая их на навигационных картах бледно-серым цветом «зон пониженного благополучия».

Алан спускался по пандусу, который становился всё более грубым. Идеально гладкий биопластик уступил место старому бетону, местами покрытому паутиной трещин. Освещение тоже менялось: мягкий, спектрально оптимизированный свет Верхних Уровней сменился тусклым, немодулированным светом жёлтых ламп. Свет этот не подстраивался под его настроение, не анализировал его сетчатку. Он просто был. И это было... прекрасно. Алан остановился и глубоко вдохнул. Запах был иным. Никакого ионизированного озона с оттенком лаванды. Пахло сыростью, старой каменной кладкой и пылью. Пыль! В верхних уровнях пыль была мифом, артефактом, который немедленно уничтожался нано-клинерами. А здесь она лежала на всём тонким серым слоем, смягчая контуры предметов, делая их менее чёткими, менее «оптимизированными». Алан провёл пальцем по поверхности старых перил и поднёс его к глазам. На подушечке остался серый след, смешанный с микроскопическими частичками ржавчины. Он долго смотрел на эту грязь, чувствуя, как в груди разливается странное, забытое тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.